

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2025.44.41.005

Правовые аспекты дискриминация мужчин в трудовых и семейных отношениях

Кононыхина Татьяна Сергеевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра государственно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 52;
e-mail: tskononykhina@mail.ru

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ форм гендерной дискриминации в отношении мужчин в современном правовом поле. Автор утверждает, что, несмотря на прогресс в борьбе с наиболее явными проявлениями неравенства, устойчивые и институционализированные формы ущемления прав мужчин остаются недостаточно изученными и регламентированными. Проблема рассматривается не как конкурирующая повестка по отношению к защите прав женщин, а как прямое следствие тех же патриархальных структур и ригидных гендерных стереотипов. Теоретической основой анализа выступает концепция гегемонной маскулинности (Р. Коннелл), демонстрирующая, как правовые институты формализуют и воспроизводят репрессивные нормативные модели мужского поведения. На примере сфер трудовых и семейных отношений, репродуктивных прав, уголовного судопроизводства и охраны здоровья раскрываются специфические механизмы дискриминации, включая профессиональную сегрегацию, предвзятость в определении опеки над детьми, гендерный разрыв в назначении наказаний и системное игнорирование мужчин в статусе жертв насилия. Особое внимание уделяется интерсекциональному подходу, учитывающему пересечение гендерных барьеров с расовыми, классовыми и иными факторами. В заключение обосновывается необходимость многоуровневой стратегии правового преодоления неравенства, включающей целевые законодательные реформы, трансформацию правоприменительной практики, создание специализированной инфраструктуры поддержки и масштабные просветительские меры. Деконструкция ограничивающих норм masculinity рассматривается как логическое продолжение феминистской критики и путь к подлинно равноправному обществу, основанному на принципах человеческого достоинства и индивидуальной автономии.

Для цитирования в научных исследованиях

Кононыхина Т.С. Правовые аспекты дискриминации мужчин в трудовых и семейных отношениях // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 10А. С. 45-52. DOI: 10.34670/AR.2025.44.41.005

Ключевые слова

Гендерная дискриминация, латентное неравенство, мужчины, гегемонная маскулинность, патриархат, интерсекциональность, правовое преодоление, семейное право, трудовые отношения, репродуктивные права, уголовное право, гендерные стереотипы, отцовство, совместная опека, отцовские квоты, гендерный разрыв в приговорах, домашнее насилие, виктимизация мужчин.

Введение

Гендерная дискриминация в современном мире, несмотря на декларируемый прогресс в области прав человека, продолжает существовать в виде глубоко укорененных латентных форм, требующих комплексного анализа и адресного правового преодоления. Сформировавшаяся универсальная международно-правовая база, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) и директивы Европейского Союза, фиксирует важные, но недостаточные этапы на пути к подлинному равенству. Перманентный разрыв между нормативными установками и социально-правовой реальностью указывает на необходимость пересмотра самого подхода к проблеме, который должен выйти за рамки традиционного фокуса на наиболее видимых формах ущемления прав женщин. Критический анализ должен обратиться к устойчивым, часто невидимым и институционализированным формам неравенства, систематически затрагивающим мужчин. Эти формы не являются симметричным ответом или конкурирующей повесткой, но представляют собой прямое производное тех же патриархальных структур и ригидных бинарных стереотипов, которые ограничивают женщин приватной сферой. Эти структуры, предписывая мужчинам репрессивные роли в публичной сфере (экономической, политической, социальной) и жестко санкционируя отклонения, порождают асимметричный и полиморфный ущерб для всех субъектов, деформируя личностную автономию и ограничивая человеческий потенциал. Целостный, а не партикулярный анализ, основанный на принципах интерсекциональности, учитывающей пересечение гендерных факторов с классом, расой, возрастом, становится методологической и практической необходимостью для любой последовательной правовой политики, претендующей на эффективность.

Основное содержание

Теоретической основой для деконструкции этих процессов служит концепция гегемонной маскулинности, разработанная Рэйвин Коннелл. Она раскрывает механизмы легитимации и репродукции доминирующей, культурно идеализированной модели мужского поведения, конструируемой в оппозиции и через отрицание феминности. Эта нормативная модель, инкорпорирующая императивы безусловной финансовой состоятельности, эмоциональной ригидности, агрессивности как допустимого способа взаимодействия и избегания практик, кодируемых как «женственные», активно внедряется через правовые и социальные институты. Правовое поле не является нейтральным рефлексором; оно формализует и опосредует социальные нормы, трансформируя их нарушение в конкретные формы институциональной дискриминации. Исторически сложившееся законодательство о социальном обеспечении, ориентированное на модель мужчины-добытчика и маргинализирующее иждивенцев-мужчин, или устоявшаяся судебная практика, воспроизводящая стереотипы в спорах об опеке, служат

классическими примерами такой институционализации. При этом давление этой модели распределено неравномерно, что обуславливает необходимость интерсекционального подхода: мужчины из этнических меньшинств или низких социальных классов одновременно сталкиваются с гипермаскулинными ожиданиями и расовой или классовой дискриминацией, что создает кумулятивный эффект уязвимости, который часто остается вне поля зрения политиков, ориентированных на универсальные, недифференцированные решения.

В сфере трудовых отношений при формальном юридическом равенстве сохраняется глубинная структурная сегрегация. Если дискриминация женщин в STEM-сферах и на руководящих позициях постепенно становится предметом целенаправленной политики, то правовые и социальные барьеры для мужчин в сферах, традиционно кодируемых как «женские», систематически игнорируются. Эмпирические исследования, включая полевые эксперименты с рассылкой резюме, подтверждают устойчивую предвзятость кадровых специалистов, основанную на стереотипах о мужчинах как менее способных к эмпатии, заботе и коммуникации. Существующие антидискриминационные директивы на практике слабо применяются к таким случаям из-за сложности доказывания скрытых мотивов и несовершенства процессуальных механизмов выявления косвенной дискриминации. Мужчины, преодолевшие барьер, сталкиваются с «эффектом стеклянной стены» – горизонтальной сегрегацией внутри профессии, повышенным подозрением в педофилии в образовании, социальной изоляцией и «липким полом», препятствующим карьерному росту. Эта профессиональная сегрегация имеет долгосрочные социально-экономические последствия, ограничивая профессиональный выбор, способствуя сохранению гендерного разрыва в оплате труда в определенных секторах и укрепляя вредные стереотипы для будущих поколений. Ключевой проблемой является и обеспечение подлинного баланса работы и семьи. Культурные ожидания, видящие в мужчине прежде всего кормильца, находят отражение в законодательстве, где отпуска по уходу за ребенком для отцов часто являются краткосрочными, низкооплачиваемыми и передаваемыми, что не создает реальных стимулов для их использования и оставляет неизменной глубинную структуру гендерного разделения домашнего труда. Эффективным инструментом, как показывает сравнительно-правовой анализ, является введение длительных, высокооплачиваемых и непередаваемых «отцовских квот» по принципу «используй или потеряешь», что не только создает экономические стимулы, но и меняет корпоративную культуру, нормализуя роль отца как активного родителя и снижая риски стигматизации и карьерного штрафа для тех, кто решает воспользоваться своими правами.

Семейное право представляет собой область наиболее глубокого противоречия между декларируемым принципом равенства и судебной практикой. Несмотря на провозглашение равных прав и обязанностей, суды в большинстве западных юрисдикций демонстрируют систематический перекося в пользу матери при разрешении споров об опеке после развода. Суды часто имплицитно руководствуются модифицированной доктриной «нежных лет», априори отождествляя наилучшие интересы ребёнка раннего возраста с первичной материнской опекой, даже в условиях, когда отцы демонстрируют сопоставимый и доказанный уровень вовлеченности в воспитание. Статистика свидетельствует, что при совместной юридической опеке физическое место жительства ребенка в подавляющем большинстве случаев определяется с матерью. Это не только ущемляет права отцов, но и правовыми средствами воспроизводит архаичную модель, где мужчина сводится к функции алиментоплательщика, что, в свою очередь, формирует негативные экономические и психологические последствия, подрывая институт ответственного отцовства. Альтернативная модель совместной равноправной опеки с

примерно равным распределением времени, коррелирующая с лучшими психологическими, образовательными и социальными результатами для детей, наталкивается на сопротивление правоприменителей, обусловленное как инерцией мышления, так и нехваткой четких процедурных алгоритмов для реализации такого подхода. В этой связи необходима не просто законодательная презумпция совместной опеки как отправной точки судебного рассмотрения, с детализированными критериями отступления от нее, но и параллельная глубокая реформа исполнительных механизмов, включая службы судебной поддержки и медиации, способные адекватно оценивать и способствовать реализации сложных родительских планов. Парадокс репродуктивных прав обнажает иной, фундаментальный правовой дисбаланс, проистекающий из биологических различий и их правовой интерпретации. В парадигме, основанной на праве на телесную автономию, женщина обладает исключительной прерогативой на прерывание беременности. Мужчина же лишен сопоставимых инструментов репродуктивного выбора, оставаясь пожизненно связанным алиментными обязательствами в случае решения женщины о родах. Данная коллизия ставит острый этико-правовой вопрос о границах мужской репродуктивной автономии в контексте «генетического» отцовства, требующий взвешенного обсуждения таких дискуссионных механизмов, как «бумажный аборт» или развитие договорных моделей предварительного репродуктивного согласия. Любая подобная модель требует экстремально взвешенного подхода, гарантирующего абсолютный приоритет интересов уже рожденного ребенка, недопустимость какого-либо инструмента давления на женщину в период принятия ею решения и установление четких временных и процедурных рамок, исключающих злоупотребления.

В уголовном праве наблюдается систематическое неравенство, подтверждаемое мета-анализами, которые выявляют устойчивый «гендерный разрыв в приговорах»: при прочих равных факторах мужчины получают на значительно более длительные сроки лишения свободы, особенно за ненасильственные и имущественные преступления. Это связано с действием глубинных стереотипов при осуществлении судебного усмотрения, воспринимающих мужчин как более опасных, рационально действующих, а следовательно, более виновных и менее поддающихся реабилитации. Данная предвзятость усиливается на перекрестке с расовой и классовой принадлежностью, приводя к драматическим последствиям для уязвимых групп. Одновременно мужчины сталкиваются с системной дискриминацией в статусе жертвы, особенно в случаях домашнего насилия и сексуальных посягательств. Правовые системы, исторически и политически ориентированные на доминирующую модель «мужчина-агрессор / женщина-жертва», часто игнорируют мужчин-пострадавших, рассматривая их случаи как маргинальные или не заслуживающие доверия. Отсутствие специализированных протоколов допроса, учитывающих особенности виктимизации мужчин, недостаток охранительных ордеров и, что наиболее критично, практически полное отсутствие сети кризисных убежищ и специализированных служб поддержки приводит к чудовищной латентности таких преступлений. Это не только усугубляет психологическую травму, но и правовыми средствами закрепляет токсичную социокультурную норму о несовместимости статуса жертвы с мужской идентичностью, вынуждая пострадавших к молчанию и лишая их защиты. Проявления этих структурных проблем варьируются в глобальном контексте, принимая специфические формы в зависимости от культурных и правовых традиций. В Восточной Азии жесткое трудовое законодательство и корпоративная культура, косвенно закрепляющие роль единственного кормильца, порождают феномен смертей от переработки. В Скандинавии, несмотря на прогрессивные законы о родительских отпусках, их реализация

тормозится мощными неформальными санкциями на рабочих местах. В странах Латинской Америки с культурой «мачизма» правовые системы лишь начинают медленно признавать мужчин-жертв насилия, сталкиваясь с сопротивлением консервативных кругов. Во многих странах системный кризис мужского здоровья, выражающийся в сверхсмертности от внешних причин, сочетается с правовыми нормами и социальными установками, активно затрудняющими обращение за психологической и профилактической медицинской помощью, а также с отсутствием сколько-нибудь внятных государственных стратегий, направленных на охрану мужского здоровья как публичного блага.

Борьба с латентной дискриминацией мужчин, являясь логическим продолжением и развитием феминистской правовой критики, направленной на деконструкцию системы ригидных гендерных ролей, требует выработки и последовательной реализации многоуровневой стратегии, сочетающей догматические, процессуальные и инфраструктурные меры. На уровне целевых правовых реформ приоритетами должны стать внедрение законодательной презумпции совместной физической опеки после развода как отправного принципа, реформа алиментных систем с учетом реального времени ухода и расходов второго родителя по модели «пропорционального дохода», а также введение длительных, высокооплачиваемых и строго непередаваемых «отцовских квот» в системе отпусков по уходу за ребенком. Параллельно необходимо расширение практики мониторинга и санкций за дискриминацию мужчин в «женских» профессиях, что требует усиления роли национальных правозащитных институтов и наделения их соответствующими следственными полномочиями. Реформа правоприменения должна включать обязательную гендерную экспертизу нового законодательства на предмет латентных дискриминационных эффектов для всех групп, внедрение обязательных тренингов по неосознанной предвзятости для судей, прокуроров, следователей и сотрудников органов опеки, а также разработку и внедрение единых национальных протоколов расследования насилия в отношении мужчин, исключаящих вторичную виктимизацию. Критически важным, но наиболее ресурсоемким направлением является создание соответствующей инфраструктуры поддержки: законодательное закрепление обязанности создавать и финансировать сеть кризисных центров и убежищ для мужчин-жертв насилия; развитие системы бесплатных юридических клиник, специализирующихся на вопросах отцовства, опеки и трудовой дискриминации. Параллельно необходимы масштабные просветительские меры, направленные на трансформацию культурных норм: интеграция тем, посвященных многообразию маскулинностей, критике гендерных стереотипов и ценности ответственного отцовства, в обязательные образовательные стандарты; поддержка социальной рекламы и медиапроектов, продвигающих позитивные, неиерархические и многомерные модели мужского поведения и отцовства; а также ратификация и имплементация международных конвенций, прямо или косвенно затрагивающих права мужчин как отцов и жертв насилия. Только подобная инклюзивная и последовательно интерсекциональная правовая политика, открыто отказывающаяся от иерархии в защите прав и признающая взаимосвязанность и общую системную природу гендерных ограничений, способна деконструировать нормативные основы неравенства. Этот путь закономерно ведет не к конфронтации или конкуренции жертв, а к подлинно равноправному социальному и правовому партнерству, где освобождение от ограничивающих норм является общей стратегической целью. Достижение этой цели возможно лишь через коалиционную солидарность, основанную на взаимном признании ущерба, тщательный сравнительно-правовой анализ лучших практик и проведение глубоких структурных реформ, фундаментом которых выступают неразрывные

принципы человеческого достоинства и индивидуальной автономии для каждого человека вне зависимости от гендера, происхождения или социального статуса.

Заключение

Проблема гендерной дискриминации в ее современном измерении не может быть сведена к упрощенной дихотомии угнетения одной группы другой. Как демонстрирует проведенный анализ, она представляет собой сложную систему взаимосвязанных латентных дисфункций, укорененных в нормативных основах самого общества и воспроизводимых его правовыми институтами. Патриархальная система, базирующаяся на ригидных бинарных стереотипах, наносит асимметричный, но взаимодополняющий ущерб, ограничивая женщин преимущественно приватной сферой, а мужчин — репрессивными нормами публичной. Таким образом, латентная дискриминация мужчин в сферах труда, семьи, репродуктивных прав, уголовного судопроизводства и здоровья является не конкурирующей повесткой, а прямой проекцией и обратной стороной тех же структурных дисбалансов, на преодоление которых исторически был направлен феминистский проект.

Эффективное преодоление этих глубинных форм неравенства требует радикального пересмотра подходов к правотворчеству и правоприменению. Невозможно достичь подлинного равенства, применяя партикулярные меры, направленные лишь на одну группу, игнорируя системный характер ущерба. Наиболее перспективной методологической основой для такого пересмотра выступает интерсекциональный подход, учитывающий наложение гендерных барьеров с расовыми, классовыми, возрастными и иными факторами уязвимости, а также концепция гегемонной маскулинности, раскрывающая механизмы институционализации нормативных ожиданий. Практическая реализация данного подхода должна носить комплексный и многоуровневый характер, синхронизируя реформы в области материального права, процесса, инфраструктуры поддержки и культурного просвещения.

Конечной целью предлагаемых преобразований является не перераспределение привилегий в рамках старой иерархической системы, а ее фундаментальная деконструкция. Речь идет о переходе к правовой и социальной модели, основанной на признании ценности человеческого достоинства и индивидуальной автономии вне жестких гендерных предписаний. Это путь к обществу подлинного партнерства, где отцовство не противопоставляется материнству, профессиональная самореализация не определяется гендерными стереотипами, а право на уязвимость и защиту гарантировано каждому. Достижение этой цели возможно только через коалиционную солидарность, осознание общности интересов в преодолении устаревших норм и последовательную реализацию структурных реформ, основанных на принципах инклюзивности, справедливости и эмпирических данных. Только таким образом право может перестать быть инструментом консервации неравенства и стать действенным механизмом обеспечения свободы и развития для всех.

Библиография

1. Barreto M., Ellemers N. Sexism in contemporary societies: How it is expressed, perceived, confirmed, and resisted // *The SAGE handbook of gender and psychology*. – 2013. – С. 289-305.
2. Benatar, David. *The Second Sexism: Discrimination Against Men and Boys*. — Wiley-Blackwell, 2012. — 304 p. — ISBN 978-0-470-67451-2.
3. Caplan P. J., Caplan J. *Thinking critically about research on sex and gender*. – Psychology Press, 2015.
4. Michael Schaerer, Christilene du Plessis, My Hoang Bao Nguyen, Robbie C. M. van Aert, Leo Tiokhin, Daniel Lakens,

- Elena Giulia Clemente, Thomas Pfeiffer, Anna Dreberf, Magnus Johannesson, Cory J. Clark, Gender Audits Forecasting Collaboration, Eric Luis Uhlmann. On the trajectory of discrimination: A meta-analysis and forecasting survey capturing 44 years of field experiments on gender and hiring decisions // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2023. DOI: 10.1016/j.obhdp.2023.104280.
5. Sterba J. P. et al. Does feminism discriminate against men?: a debate. – 2008.
6. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // *Московский журнал международного права*. 2009. № 1. С. 69–82.
7. Ильин И.А. В поисках справедливости // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступит. сл. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999. Т. 2: Наши задачи: статьи, 1948–1954 гг., кн. 1: Наши задачи: статьи, 1948–1951 гг. М.: Русская книга, 1993. URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/76 (дата обращения: 28 марта 2015 г.).
8. Университеты США уличили в дискриминации мужчин: Общество: Мир: Lenta.ru
9. Reeves R. V. Of boys and men: Why the modern male is struggling, why it matters, and what to do about it. – Bloomsbury Publishing USA, 2022.
10. Kimmel M. S. Who's afraid of men doing feminism? // *Men doing feminism*. – Routledge, 2013. – С. 57-68.

Legal Aspects of Discrimination Against Men in Labor and Family Relations

Tat'yana S. Kononykhina

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of State-Legal Disciplines,
Saint Petersburg Institute (Branch)
All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia),
191186, 52 Galernaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tskononykhina@mail.ru

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of forms of gender discrimination against men in the contemporary legal field. The author argues that, despite progress in combating the most obvious manifestations of inequality, persistent and institutionalized forms of infringement of men's rights remain insufficiently studied and regulated. The problem is considered not as a competing agenda relative to the protection of women's rights, but as a direct consequence of the same patriarchal structures and rigid gender stereotypes. The theoretical basis of the analysis is the concept of hegemonic masculinity (R. Connell), demonstrating how legal institutions formalize and reproduce repressive normative models of male behavior. Using the examples of labor and family relations, reproductive rights, criminal justice, and healthcare, specific discrimination mechanisms are revealed, including occupational segregation, bias in child custody determination, gender gap in sentencing, and systemic neglect of men in the status of violence victims. Special attention is paid to the intersectional approach, considering the intersection of gender barriers with racial, class, and other factors. In conclusion, the necessity of a multi-level strategy for legal overcoming of inequality is substantiated, including targeted legislative reforms, transformation of law enforcement practices, creation of specialized support infrastructure, and large-scale educational measures. Deconstruction of restrictive norms of masculinity is considered as a logical continuation of feminist critique and a path to a genuinely equal society based on principles of human dignity and individual autonomy.

For citation

Kononykhina T.S. (2025) *Pravovyye aspekty diskriminatsii muzhchin v trudovykh i semeinykh otnosheniyakh* [Legal Aspects of Discrimination Against Men in Labor and Family Relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (10A), pp. 45-52. DOI: 10.34670/AR.2025.44.41.005

Keywords

Gender discrimination, latent inequality, men, hegemonic masculinity, patriarchy, intersectionality, legal overcoming, family law, labor relations, reproductive rights, criminal law, gender stereotypes, fatherhood, joint custody, paternity quotas, gender gap in sentencing, domestic violence, victimization of men.

References

1. Barreto M., Ellemers N. Sexism in contemporary societies: How it is expressed, perceived, confirmed, and resisted // *The SAGE handbook of gender and psychology*. – 2013. – С. 289-305.
2. Benatar, David. *The Second Sexism: Discrimination Against Men and Boys*. — Wiley-Blackwell, 2012. — 304 p. — ISBN 978-0-470-67451-2.
3. Caplan P. J., Caplan J. *Thinking critically about research on sex and gender*. – Psychology Press, 2015.
4. Michael Schaerer, Christilene du Plessis, My Hoang Bao Nguyen, Robbie C. M. van Aert, Leo Tiokhin, Daniel Lakens, Elena Giulia Clemente, Thomas Pfeiffer, Anna Dreberf, Magnus Johannesson, Cory J. Clark, Gender Audits Forecasting Collaboration, Eric Luis Uhlmann. On the trajectory of discrimination: A meta-analysis and forecasting survey capturing 44 years of field experiments on gender and hiring decisions // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2023. DOI: 10.1016/j.obhdp.2023.104280.
5. Sterba J. P. et al. Does feminism discriminate against men?: a debate. – 2008.
6. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // *Московский журнал международного права*. 2009. № 1. С. 69–82.
7. Ильин И.А. В поисках справедливости // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступит. сл. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999. Т. 2: Наши задачи: статьи, 1948–1954 гг., кн. 1: Наши задачи: статьи, 1948–1951 гг. М.: Русская книга, 1993. URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/76 (дата обращения: 28 марта 2015 г.).
8. Университеты США уличили в дискриминации мужчин: Общество: Мир: Lenta.ru
9. Reeves R. V. *Of boys and men: Why the modern male is struggling, why it matters, and what to do about it*. – Bloomsbury Publishing USA, 2022.
10. Kimmel M. S. Who's afraid of men doing feminism? // *Men doing feminism*. – Routledge, 2013. – С. 57-68.